

EXCLUSIVE

Говорят, мы сделали антирусскую картину

Общая инф. - 1996 - 27 июня - 3 июля - 4/10

Борис КРЕМЕР

«Кавказский пленник», лауреат Сочинского фестиваля, был задуман задолго до начала войны в Чечне. Однако Сергей Бодров, режиссер картины, рассказывает, что накануне заключения мира в Чечне представители обеих сторон посмотрели «Пленника»... Наверное, это самая большая победа съемочной группы.

А победы помельче — Приз ФИПРЕССИ и Приз зрительских симпатий в Каннах, Гран-при и призы за лучшую мужскую роль Олегу Меньшикову и Сергею Бодрову-младшему на фестивале «Кинотавр».

Нашими сегодняшними собеседниками будут сразу два Сергея Бодровых: отец — режиссер-постановщик картины и сын — исполнитель одной из главных ролей.

— Сергей, когда вы поняли, что вы — режиссер?

Бодров-старший. — Когда научился рассказывать истории. Такие, как «СЭР», тот же «Кавказский пленник». Раньше, когда я просто писал сценарии, я без конца что-то придумывал, фантазировал, какие-то запутанные фабулы, мелодрамы, буффонады. А потом захотелось поговорить о вещах более серьезных и глубоких. И пошли эти трагические сюжеты, которые сложно придумывать и тяжело снимать.

— Вы любите кино с детства?

Б.-с. — Нет, не помню за собой такого. Я хотел стать журналистом, но как-то не получилось. После школы работал на заводе, потом был матросом, грузчиком — вполне стандартная для тех лет биография. И вдруг я «сбился с курса», устроился на «Мосфильм» осветителем. Ну, а после поступил во ВГИК на сценарный. По-маленьку начал писать сценарии... А режиссером стал уже довольно поздно.

— А как Бодров-младший попал в кино?

Бодров-младший. — Я-то точно о кино не мечтал. Может, в подростковом возрасте и были какие-то потуги, но это настолько было несерьезно... Актер должен быть либо гением, либо... менять профессию.

— Сергей, ваше возвращение в Россию для многих было неожиданным. Вас давно считали американским режиссером. Ходили слухи, что у вас вилла во Флориде...

Б.-с. — Ну про виллу я пока не слышал, а с Америкой у меня действительно очень хорошие отношения. Хотя я никогда не собирался там оставаться. Американцы посмотрели «СЭРа», поняли, что я умею рассказывать истории — а у них это очень ценится, — и предложили работу. Я согласился — мне было интересно, как там снимается кино.

Большой разницы я, правда, не обнаружил. Аппаратура разве получше... Но работать было очень интересно. Я написал сценарий, поставил по нему фильм. По-русски он называется «Тот, кто любит». У меня играли большие актеры: Энтони Куин, Харольд Эткинс, один из любимых актеров Мартина Скорсезе и Квентина Тарантино. И тут появился Борис Гиллер с этим самым «Пленником», и я сразу уехал в Россию.

— Американцы, наверное, вас не поняли?

Б.-с. — Они к этому доброжелательно отнеслись. Некие энтузиасты, например, нашли мне для съемок «Кавказского пленника» очень живописное место в пригороде Лос-Анджелеса. Студенты американских киношкол завалили меня письмами — просились на работу. Причем соглашались делать все что угодно. Мне очень нравится в Америке этот энтузиазм.

— Если я правильно поняла, первый вариант сценария написал Борис Гиллер?

Б.-с. — Да.

— Почему он обратился именно к вам?

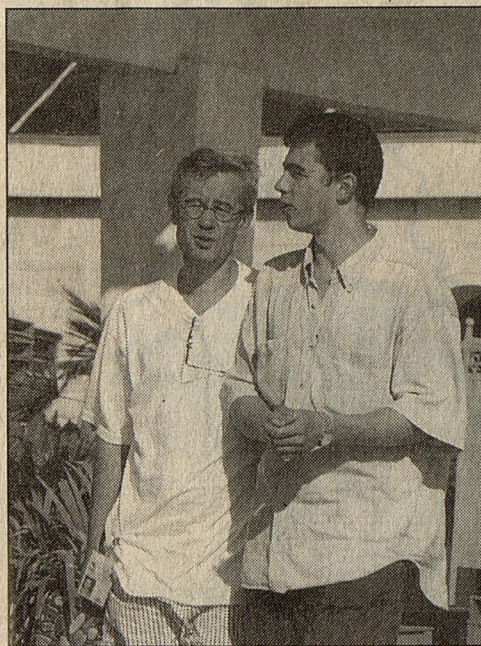
Б.-с. — Когда-то он был моим учеником — я вел сценарную мастерскую во ВГИКе, — и мы очень подружились. Он умный, талантливый человек. Сейчас он бизнесмен, издатель, один из крупнейших продюсеров. Он привез этот сценарий, и я сразу понял, что его надо снимать. Это было задолго до чеченской войны. Историю эту, перенесенную в наше время, можно было снимать везде, в любой точке земного шара. Сначала мы собирались снимать ее в Боснии, думали также о Мексике, Афганистане. Но началась чеченская война, и стало ясно, что надо снимать дома. Сейчас эта история ассоциируется с чеченской войной, и от этого никуда не уйти. Тем не менее нам, кажется, удалось уйти от документальности. Думаю, что картина проживет еще долго, потому что мы говорили не столько о войне, сколько о человеческих судьбах и трагических, кровавых ситуациях. Говорят, что мы сделали антирусскую картину. Но я считаю, что когда идет война, обе стороны и правы, и неправы. Но когда большая страна воюет с маленькой, у большой совсем другая мера ответственности. А потом — есть какие-то вещи, которые человеку, режиссеру непременно надо проговорить. Для меня было очень важно сделать картину о том, что убить человека в наше время очень легко. Еще проще — найти себе оправдание. И очень трудно человека любить. Но надо стараться. В этом нет ничего нового, но это необходимо сказать — самому себе прежде всего.

— Что вам самому больше всего нравится в картине?

Б.-с. — Уильям Фолкнер однажды сказал: «Все мои книги — неудачи. Но среди них есть блистательные неудачи». Перефразируя великого американца, могу сказать, что все мои картины — неудачи, но в каждой есть несколько хороших сцен. В этой тоже. Во многом благодаря Олегу Меньшикову. Мы пробовали нескольких очень хороших актеров, и пробы были прекрасные, но вдруг случайно встретились с Олегом. Мы давно хотели работать вместе. Олег прочитал сценарий, очень загорелся и отложил все свои дела.

— Тяжело с отцом на площадке?

Б.-м. — Это мягко сказано. Папа оказался настоящим деспотом. Дома он мягкий, ласковый, доброжелательный, а на площадке — просто чудовище. Я даже порывался бросить все и уехать. Если бы не Меньшиков, я бы, наверное, так и сделал. Олег просто удивительный человек, умный, добрый, чуткий. Он всему меня научил. Причем без всякого тренинга, муштры,

каких-то нотаций, наставлений — просто у нас сложились какие-то настоящие, очень глубокие человеческие отношения. Пожалуй, на площадке он был больше папой, чем родной отец.

— Ваш с Олегом дуэт настолько органичен, что кажется, будто сами сочинили и тут же с ходу разыграли перед зрителями эту историю.

Б.-м. — Да нет, мы особенно не импровизировали. Так, маленько...

Б.-с. — Конечно, какие-то сцены импровизировались прямо на площадке. Неудомимый Меньшиков придумал танец в подвале с кандалами на ногах, всю эту историю с пьянкой, бурками и скачками по крыше.

— Съемки были тяжелыми?

Б.-м. — Еще бы. Жили мы прямо в ауле, древнем, не изменившемся с XVII, наверное, века. Люди носят воду в кувшинах из реки. Эта деревня уже много столетий живет очень обособленно, своим укладом. Чужаки там почти не бывают; парни женятся на девушках из соседних домов, лишь изредка приведут красавицу из ближнего села. Смешная ситуация — мы были экзотикой для них, а они — для нас.

Б.-с. — Раньше все-таки заезжали к ним туристы, геологи, а сейчас война — кто туда поедет... Они очень одиноки, эти люди. К нам прекрасно относились. Для них вообще гость — это святое. Вся вражда забывается, режется барашек, и очень трудно объяснить, что мы не можем сейчас все бросить, съемку отложить, сесть на травку и есть этого самого барашка.

Б.-м. — Это на самом деле очень открытый, мирный, гостеприимный и крайне деликатный народ. Мы жили прямо в домах, хозяева уступали нам лучшие комнаты — это было очень трогательно. Обнаружили мы на четвертый или пятый день, что все кровати хозяева отдали нам, а сами спят в соседней комнате на полу. Эти законы гостеприимства совершенно меня потрясли. Как могут люди, столь бережно относящиеся друг к другу, так долго и жестоко воевать?

Б.-с. — Была смешная история, когда мы попытались уговорить местных девушек помочь художнице по костюмам. Девушки пришли, пару дней пошили, а потом отказались работать наотрез. Сказали, что их не пускают родители, потому что мы задерживаем их допоздна, а кто же после этого возьмет бедолагу замуж! И как было объяснить, что у нас рабочий день такой длинный? Вся группа вкалывала как сумасшедшая...

— Зато потом сразу в Канны...

Б.-с. — Встретили нас очень хорошо. Картина не попала в основной конкурс в силу ряда причин. Одной из основных было то, что мы не воспользовались для производства французскими деньгами. А в этом году из 19 представленных в конкурсе картин 12 были полностью или частично сняты на французские деньги. Канн — французский фестиваль, поэтому вполне естественно, что он активно проталкивает своих продюсеров, свою кинопромышленность. Тут никакой обиды быть не может. Тем более что они охотно участвуют в совместных проектах, совершенно независимо от того, о какой стране-партнере идет речь. И нам французы давали деньги, но предлагали начать финансирование лишь с 15 октября, а мы не могли оттягивать начало съемок — горы, снег, дождь, а условия там и летом нелегкие. Пришлось выкручиваться самим. А на фестивале нас включили в очень престижную программу, которая называется «Конвенция». Один приз мы получили от критиков; они присуждают два равноценных приза. Один достался английской картине, той самой, что получила «Золотую пальмовую ветвь», а второй — нам. И еще один приз мы получили — приз зрительских симпатий как лучшей картине фестиваля. Уже в Каннах фильм начал хорошо продаваться, его купили почти все страны-участницы. Начались переговоры с Америкой о прокате.

— Что-то мы все про кино. Может, у вас есть какие-то увлечения, пристрастия?

Б.-с. — Я азартный человек. Люблю лошадей. Но, если честно, в последние годы действительно все только кино да кино... Я снова собираюсь в Штаты. Сценарий уже готов, и в ближайшее время думаю начать съемки.

— О чем картина?

Б.-с. — Ну такой любовный треугольник: тридцатипятилетняя женщина, шестнадцатилетний мальчик и тринадцатилетняя девочка.

— Сережа, если бы папа опять пригласил вас сниматься, вы бы согласились?

Б.-м. — Крепко подумал бы. Мне это все так тяжело далось. Самое большое удовлетворение было оттого, что все это уже закончилось.

— Значит, кинематографистом вы не будете?

Б.-м. — Пока не чувствую в себе достаточных сил. Набираю помаленьку. Я получил очень хорошее гуманитарное образование — закончил отделение истории искусств исторического факультета МГУ. Сейчас учусь в аспирантуре, пишу диссертацию: «Архитектура в Венецианской живописи эпохи Возрождения». А творческой профессии невозможно научиться. Либо это дано, либо нет. Актер — это же не профессия, это волшебство какое-то. Человек, который держит ваше внимание, который может заставить вас плакать, смеяться... В этом есть что-то сверхъестественное, что невозможно объяснить. Можно лишь восхищаться и преклоняться...

Беседовала Светлана ОСТ